

СООБЩЕНИЯ

М. Нерсисян

Первое публичное выступление Хачатура Абовяна

В литературе, посвященной жизни и творческой деятельности великого армянского просветителя Хачатура Абовяна, общепризнанным является то мнение, что первое публичное выступление Абовяна или, точнее говоря, его первое выступление в печати, имело место в 1835 году, когда в газете «St. Petersb. Zeitung» была опубликована статья Абовяна о восхождении профессора Дерптского университета Паррота и его спутников на гору Арарат.

Но выясняется, что это мнение, не оспаривающееся никем, является неправильным. Совсем недавно, нам пришлось в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде) изучить комплект «Тифлисских ведомостей» за 1828—1832 гг. В указанной газете, являющейся в настоящее время библиографической редкостью, еще в апреле 1831 года напечатан рассказ Абовяна об экспедиции профессора Паррота. Но странным образом это первое выступление Абовяна в печати осталось совсем незамеченным абовяноведами и о нем нигде не упоминается.

Появление в печати рассказа Абовяна об экспедиции проф. Паррота имеет интересную историю. В 1829 году в «Тифлисских ведомостях» была напечатана статья проф. Паррота, где он рассказывал о своем восхождении на Арарат. В январе 1831 г. в той же газете (№№ 1—5) появилась большая статья царского чиновника И. Шопена под заглавием «О произведениях и богатстве Эриванской провинции». В последней части своей статьи Шопен между прочим писал: «Где обещаются столь богатые жатвы любопытству археолога? Вот древний Мазис (так в оригинале—М. Н.), гора ветхого завета, которая высоко над облаками скрывает седую вершину свою и к коей после праотца нашего Ноя не прикасалась еще нога человеческая».

В связи с этими строками редактор газеты П. Санковский к статье Шопена сделал следующее примечание: «Неужели почетному сочинителю сей статьи неизвестен славный подвиг, совершенный профессором Парротом?».

В ответ на это замечание П. Санковского в феврале того же года (№ 11) в «Тифлисских ведомостях» появилось письмо Шопена. Автор письма говорил, что он знает об экспедиции профессора Паррота, но не убежден в том, что Парроту действительно удалось подняться на верши-

ну горы Арарат. Шопен высокомерно и бездоказательно писал: «В целой Эриванской провинции,— исключая дьячка (имеет в виду Х. Абовяна — М. Н.), подписавшего свидетельства об успешном окончании предприятия,— от малого до большого, все утверждают, что экспедиция не была на вершине Арарата».

Это заявление Шопена, выражающее мысли и чувства реакционных кругов, не осталось без ответа. В апреле того же года (№№ 21—23) в газете было опубликовано письмо Паррота, в котором опровергались все доводы Шопена и им приводились новые доказательства об успешном восхождении на гору Арарат. В письме говорилось и об Абовяне. Паррот писал: «В числе сопутствующих мне не было никакого дьячка; но молодой монах, в сане диакона, служивший переводчиком в монастыре Эчмиадзина, по имени Хачатур Абовян, который уже гораздо более имеет образования, нежели какового достигнуть может какой-либо армянин в Эчмиадзине или Эривани. Он не подписывал никакого свидетельства о совершении нашего предприятия, ибо такового, сколько я знаю, не бывало и не существует; но он во всякую минуту готов утвердить священною клятвенною присягою, что мы были на вершине».

Но помимо письма Паррота в этом же номере «Тифлисских ведомостей» выступил и сам редактор газеты П. Санковский, который поддерживал проф. Паррота. Санковский писал: «Когда в 1829 г. я поместил в «Тифлисские ведомости» статью о восхождении г-на Паррота на Арарат, я был атакован со всех сторон людьми, которые с язвительною улыбкою упрекали меня в моей доверчивости к подобным вестям.— Иные доказывали мне невозможность в исполнении подобного подвига тщетным покушением Армянского Патриарха Якова, который, желая видеть ковчег, не был до оногo допущен явным чудом; другие неудачными попытками сардаря Эриванского; третьи постоянным ветром, который стережет вершину горы, немногие физическим положением горы, а многие почитали даже святотатством и самое покушение ученого профессора и не иначе соглашались ему верить, как если он привезет с собой кусок ковчега. И тогда уже большая часть туземцев готова была божиться, что Паррот не был на вершине Арарата. По сим причинам и по другим, о коих из уважения к предмету я здесь умалчиваю, я тогда же убедился в том, что ученая экспедиция будет иметь сильную против себя партию, в особенности в Армянской области».

В заключение Санковский говорит о своей встрече с Абовяном. «Я расспрашивал дьякона Хачатура, бывшего безотлучно при г-не Парроте во время его восхождений на Арарат. Простой рассказ сего очевидца, сопровождаемый такими подробностями, которые отклоняют даже всякое подозрение в вымысле, может, кажется, убедить каждого в искренности его показаний. Повествование его я передаю здесь со всею возможною точностью».

Непосредственно после этих строк напечатан рассказ Абовяна об экспедиции проф. Паррота, рассказ, который, как мы уже отметили, в дальнейшем как-то остался совершенно незамеченным.

Рассказ Абовяна об экспедиции проф. Паррота, как видно из замечаний П. Санковского, был записан последним при их встрече в Тбилиси, которая могла состояться до июля 1830 года, ибо, как известно, Абовян выехал в Дерпт в июле этого года. Таким образом статья Абовяна, хотя она появилась в свет в апреле 1831 г., принадлежит к произведениям писателя додерптского периода.

Статья-рассказ Абовяна, вышедшая в свет в «Тифлисских ведомостях», показывает, что Абовян еще в 1829—1830 гг. смело и публично выступал против реакции, которая всячески старалась опорочить людей науки и отчаянно боролась против всякого просвета. Читая эту статью, нельзя сомневаться в том, что молодой Абовян еще до его выезда в Дерпт, был человеком с культурой и эрудицией. Эта статья представляет большой интерес и с той точки зрения, что она является первым выступлением в печати великого армянского просветителя.

Ниже печатается рассказ Абовяна об экспедиции проф. Паррота в том виде, в котором он опубликован в «Тифлисских ведомостях».

Три примечания, подписанные «пр. изд», принадлежат редактору газеты «Тифлисских ведомостей» П. Санковскому.

*

«В 1829 году прибыл в Эчмиадзин г-н профессор Паррот со своими товарищами. Я был в то время переводчиком при Армянском патриархе. Ученые путешественники были приняты нашим духовенством со всем должным уважением и мне велено было находиться при них и удовлетворять всем их требованиям. Узнав от них, что они намерены достигнуть вершины Арарата, я изъявил желание им сопутствовать. По убедительным просьбам г. Паррота, я получил на сие соизволение Эчмиадзинского Синода.— Не могу рассказать, как я обрадовался случаю находиться в обществе людей с такими познаниями, и быть участником в их предприятии.

9-го сентября мы выехали из Эчмиадзина и направили путь наш прямо к Арарату. Мы ночевали на берегу черной речки. Она вытекает из подошвы горы Арарата и называется так по причине черных вод ее (по-армянски Сев-Джур, а по-татарски Кдрасу). В камышах ее мы видели пропасть¹ диких свиней. В сих местах также множество червей, называемых по-татарски Крмзы (канцелярское семя)².

На другой день мы встали поутру рано и г. Паррот с г. Бегагелем занялись съемкою горы, другие же их товарищи принялись собирать цветы, растения и разных животных. Вскоре потом мы поднялись оттуда к деревне Аргуры. Жители, будучи армянами, приняли нас с величайшим уважением. Мы посетили потом обитель св. Григория. Здесь живет престарелый архимандрит Карапет. Удалившись несколько лет тому назад в сию пустыню, он совершенно забыл свет и любит свое уединение. Он давно вырыл себе могилу и ежедневно глядя на нее, занимается спасительными

¹ Так в тексте, М. Н.

² Так в тексте, М. Н.

мыслями о смерти. Недалеко отсюда находится и небольшая обитель Св. Якова, Патриарха армянского. Здесь находится источник воды, к силе коего все жители закавказские всех исповеданий имеют большое доверие. Когда саранча опустошает их поля, они прибегают к сему источнику, со священным торжеством окропляют то место, на которое напала саранча; вскоре являются особенного рода птицы, похожие на скворцов, по-армянски называемые Тарм, которые уничтожают сие вредное насекомое. В сентябре месяце, армяне во множестве собираются в сем месте и приносят жертвы. До окончания нашего предприятия мы стояли в сей обители. Уединенное и прекрасное местоположение оной благоприятствовало занятиям ученых путешественников.

На другой же день после прибытия нашего сюда, г. Паррот с г. Шиманом сделали первый опыт восхождения своего на Арарат. Они пробовали взойти с восточной стороны, но крутизна восточного ската убедила их в невозможности достигнуть оттуда своей цели и они возвратились назад. Место, до которого они достигли, по их наблюдениям, возвышается над поверхностью воды на 13 000 футов.

Сие заставило г. Паррота искать другого входа. По совету Архурского старшины, армянина Степана Мелика, г. профессор 18 сентября стал подыматься с западной стороны. С ним находились гг. Бегагель и Шиман, три солдата и пять поселян. Хотя г. Паррот, щадя мою молодость, советовал мне не вдаваться в столь опасное путешествие, но твердо решившись быть верным их спутником во всех их полезных изследованиях, я объявил ему свое непоколебимое намерение не отставать от них ни на шаг. Мы взбирались по самой дурной и неудобной дороге, а при наступлении ночи остановились возле снеговой области, наверху ущелья называемого Кип Гьол. Мы провели ночь самую беспокойную по причине холода и неровности места, на коем лежали. На другой день пред восхождением солнца мы, оставив все наши запасы и тяжести на месте нашего ночлега, продолжали наше путешествие и стали подыматься по снеговой полосе. Тихая погода да и вновь выпавший снег совершенно нам благоприятствовали: но вдруг погода переменилась и густые туманы, покрыв совершенно вершину Арарата, понудили нас воротиться, тем более солнце клонилось уже к закату. Прежде нежели спустились, г. Паррот поставил среди того места, до которого мы достигли в сей день, крест, о коем упоминается в № 30 Тифлиских Ведомостей 1829 года. Крест сей был взят с нами и Архимандрит Карапет помазал оный Св. Муром.

Сии два опыта могли бы поколебать человека не столь твердого и не столь пристрастного к наукам, как г. Паррот. Я не в силах выразить до какой степени он чувствовал всю важность принятой им на себя обязанности пред ученым светом. После сих первых опытов г. Паррот вернее стал рассчитывать способы к достижению своей цели и терпеливо в продолжение десяти дней, ожидая хорошей погоды, продолжал в уединении свои занятия. Во все это время вершина Арарата, покрытая густыми облаками, скрывалась от взоров наших. Наконец величественный Мазис открыл седую главу свою и благосклонно приветствуя ученых путешест-

венников, пригласил их принять заслуженную награду за их постоянство в перенесении толиких трудов и опасностей¹: 26-го сентября, чуть свет мы вновь пустились в путь. Люди бывшие с нами в прежних попытках, уstraшенные виденными ими затруднениями и опасностями, отказались на сей раз нам сопутствовать. Мы наняли других шесть мужиков, взяли их и двух солдат и отправились в путь. Сей раз мы имели ночлег выше того места, где останавливались при втором восхождении нашем: мы расположились в области снегов на небольшом холму, лежащем на западном закате горы. В эту ночь также холод пронял нас порядочно. На другой день мы с разсветом собрались в путь; но медленность, с которою ленивые мужики, очищавшие нам дорогу, прорубали лед, сделала нам большую остановку. Трое из них отказались даже следовать дальше того места, где воздвигнут был крест. Через десять часов мы достигли вершины горы. Не стану описывать восторга, который мы ощутили, когда подавили пятую голову гордого Арарата. Я весь трепетал от радости и между тем как г. профессор занимался своими барометрическими наблюдениями, я в восхищении бегал как ребенок по всей вершине горы и с жадностью отыскивал какой-нибудь предмет, какой я мог бы взять для памяти, но к крайней моей горести ничего не нашел. Надо было довольствоваться небольшим куском снега и растаявшую из одного воду, я по прибытии моем в Эчмиадзин, разделил между знакомыми архимандритами. На вершине Арарата на северной ее стороне, я собственными руками своими поставил деревянный крест. Мы спустились к ночлегу нашему при захождении солнца.

По наблюдениям г-на Паррота Арарат содержит от поверхности Черного моря 15,200 футов, то есть 2470 русских аршин, или около 5 верст, и от поверхности на коей лежит Эчмиадзин 2060 аршин или более четырех верст. Снизу глаз зрителей обманывается, полагая видеть на сей вершине три отдельные возвышения или головы: их только две — западная и восточная. Западная, на которой мы были, не много выше восточной. При восхождении нашем мы заметили в горе два глубоких отверстия, но недостаток времени не дозволил нам их измерить. Мы не встречали здесь ни источников, ни родников, как бывает в других местах. Жители Аргурн пользуются снеговою водою, которая со всех сторон стремится с ужасным шумом и течет по самый октябрь месяц. Близь сей деревни находятся однакоже также и небольшие источники. Место, на котором она стоит, есть самое приятное и здоровое во всей Эриванской провинции. Воздух здесь свеж и зелень самая пышная. По сим причинам бывшим сардарем Эриванским Аргури было избрано летним местопребыванием, и строения, в коих он обитал с своими женами и семейством, еще существуют. У подошвы горы находятся ледяные глыбы, которые называются Сарцатун, то есть ледяной дом. В летнее время с северной стороны горы бывают большие снежные обвалы, которые стремятся вниз с сильным треском и

¹ Метафора несколько отзывается знатским вкусом, заимствованная из собственных выражений Дьякона Хачатура. Пр. изд.

шумом. Низменная часть подошвы Арарата покрыта черным хрупким камнем, который беспрестанно сыплется вниз¹, что здесь называется карег, то есть: каменные развалины. Диких зверей мы здесь вовсе не встречали, хотя жители утверждают, что здесь множество диких коз, медведей, барсов и проч.

Со стороны Баязета, который лежит к югу, всход на гору кажется легче, но мы не пробовали подыматься оттуда.

Путешественники крайне желали рассмотреть все древние памятники, пещеры и прочие достопамятности, которые находятся в сих местах. Но хищные куртинские партии, рассеянные по окрестностям, не дозволили им привести в исполнение сего намерения.

Мы были и на маленьком Арарате, стоящем на востоке от большого; но путешествие сие мы предприняли весьма поздно и в самое холодное время, то есть 28 октября.

Мы ночевали в маленьком довольно густом лесу, в котором однако же весьма мало плодоносных деревьев². В сих местах также замечателен недостаток в воде, мы принуждены были в сем путешествии взять воду с собою. Хотя маленькой Арарат гораздо ниже большого, но несравненно круче. В течение четырех часов мы едва взобрались на вершину сей горы и то с величайшим трудом. Дурная погода и в сем восхождении много нам мешала. Вершина сей горы составлена из шести небольших холмов. Она возвышается над поверхностью Черного моря на 1865 аршин, а над поверхностью того места, где лежит Эчмиадзин на 1445 аршин. На сей горе и окрестностях оной множество развалин, доказательство, что места сии в древности были хорошо населены; ныне они совершенно оставлены. Мы нашли здесь два камня с персидскими надписями, и сначала полагали, что это какие-нибудь памятники, стоящие внимания; потом узнали, что бывший сардар Эриванский Гусейн Хан заметя, что некоторые европейские путешественники, увлекаемые похвальным любопытством посещать развалины сих мест, занимаются исследованием древних памятников, вздумал подшутить над ними по своему: велел нацарапать на двух камнях несколько невнятных персидских надписей и отнести их на то место, где мы их видели. Сие мне рассказывал Аргурский поселянин, который сам, по приказанию сардаря, тайно относил туда сии камни».

¹ Вероятно шифер. Пр. изд.

² Замечание весьма естественное в устах азиатца, который привык видеть здешние леса наполненными яблонями, грушинами, орешинами, гранатами, дикими виноградниками и проч. Пр. изд.